

Клочков Виктор Викторович

ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XVIII В.

Статья посвящена исследованию партий в контексте эволюции британской политической системы в XVIII веке. Автор рассматривает основные направления постепенной трансформации ранних политических партий в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Эти процессы показаны в неразрывной связи с перераспределением прерогативных полномочий и поступательной метаморфозой персональной монархии в парламентскую. Также освещается историческая специфика взаимоотношений первых британских политических партий с монархами и кабинетом министров. Большое внимание уделяется анализу историографии по данной проблеме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 102-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1973. Т. 2. 451 с.
2. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. 1. 657 с.
3. **Звери и их репрезентации в русской культуре.** СПб.: Балтийские сезоны, 2010. 366 с.
4. **Лушникова А. В.** Календари Северной Евразии и Сибири как источник для реконструкции древней картины мира // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 11-28.
5. **Маковский М. М.** Лингвистическая генетика. М.: Наука, 1992. 208 с.
6. **Тайлор Э. Б.** Первобытная культура / пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
7. **Ahlqvist A.** // Celtic Language, Celtic Culture: a festschrift for Eric Hamp. California: Van Nuys, 1990. 215 p.
8. **Angel Lopez Garcia.** Fundamentos geneticos del lenguaje. Madrid: Cátedra, 2002. 251 p.
9. **Dunbar K.** Code // Encyclopedic Dictionary of Semiotics / ed. by T. A. Sebeok. Mouton De Gruyter, 1994. 1179 p.
10. **Kees W. Bolle.** Animism and Animatism // Eliade M. Encyclopedia of Religion. Macmillan, 2005. 362 p.
11. **Sälzle K.** Tier und Mensch, Gottheit und Dämon. München – Basel – Wien: BLV, 1965. 499 S.
12. **Schneider M.** El origen musical de los animales-símbolos en la mitología y la escultura antiguas. Ensayo histórico-etnográfico sobre la subestructura totemística y megalítica de las altas culturas y su supervivencia en el folklore español. Barcelona: CSIC, 1946. 507 p.
13. **The Encyclopedia of Religion** / ed. by M. Eliade. New York, 1995. Vol. I.

**ANIMAL WORSHIP IN MYTHOLOGICAL TRADITION
AND CULTURE HISTORY OF INDO-EUROPEANS**

Nataliya Aleksandrovna Kindrya, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University
nkindrya@mail.ru

The author reconstructs the etymological and historical-typological connections of Indo-European words denoting animals, creates the complex semantic matrix that unites and explains various cognitive processes underlying the formation, modeling, and change of the studied words meanings, and ultimately tells about the revelation of the certain “worldview” reflected in the complex semantic and linguo-culturological connections of Indo-European bestiary.

Key words and phrases: etymology; symbolics; animals; animal worship; taboos; worldview; archaic culture.

УДК 94

Исторические науки и археология

Статья посвящена исследованию партий в контексте эволюции британской политической системы в XVIII веке. Автор рассматривает основные направления постепенной трансформации ранних политических партий в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Эти процессы показаны в неразрывной связи с перераспределением прерогативных полномочий и поступательной метаморфозой персональной монархии в парламентскую. Также освещается историческая специфика взаимоотношений первых британских политических партий с монархами и кабинетом министров. Большое внимание уделяется анализу историографии по данной проблеме.

Ключевые слова и фразы: партии; парламентская монархия; тори; виги; Великобритания; британский парламентаризм.

Виктор Викторович Клочков, к.и.н.

Кафедра теории права

Таганрогский технологический институт Южного федерального университета
viktlochkov@mail.ru

ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В XVIII В. ©

В истории эволюции политической системы Великобритании XVIII в. занимает особое место. Потрясения предыдущего столетия уступили место достаточно спокойной эволюции. Однако, несмотря на достаточную изученность периода в целом, среди исследователей нет единства в отношении характера политических изменений, происходивших в этот период.

Обычно подчеркивается, что уже в конце XVII в. в стране был установлен политический режим конституционной монархии. В этом случае политическая история страны в XVIII в. рассматривается как совокупность прецедентов, способствующих формированию современных конституционных механизмов взаимодействия

монархии, парламента и кабинета министров. Также прослеживается история формирования современных институтов политического участия, в частности, эволюция партийной системы и движение за реформу политического представительства, нашедшее свое наиболее яркое выражение в событиях 1832 г. [1, с. 40-41].

Более осторожный подход к проблеме основывается на том, что и после «Славной революции» монархия поздних Стюартов сохраняла персональный характер. Описание трансформации политических институтов в ходе событий 1688-1689 гг. как перехода от «абсолютной» монархии к «конституционной» рассматривается в качестве некоторого упрощения. Подчеркивается, что монархия Вильгельма III и Марии имела источником своей легитимности парламентский акт. Это уже само по себе является крайне необычным в английской конституционной практике, всегда рассматривающей законодательство как экстраординарную меру. Монархия оставалась персональной в том отношении, что пределы королевской власти устанавливались не парламентом, а королевской прерогативой, фиксированной в своих границах парламентскими актами там, где она затрагивала права и свободы подданных. Английское политическое устройство имеет своим фундаментом общее право, и принцип господства права служит формой конституции. Поэтому английская монархия в начале XVII в. может быть описана как конституционная с теми же основаниями, что и ее наследница после 1689 г. Английский парламент в это время не обладал какими-либо исключительными полномочиями, которые были бы неизвестны средневековым ассамблеям. Сторонники осторожного взгляда считают, что следует обратить внимание не столько на то, как часто собирается парламент, сколько на то, какую роль он выбирает в отношениях с короной в рамках ординарной королевской прерогативы. Также важно, какие прерогативы английской короны постепенно попадали под контроль парламента и начинали со временем рассматриваться как его полномочия.

Поскольку парламентской монархией обычно именуется форма правления, при которой процесс назначения министров предполагает наличие консультационных механизмов между монархией и парламентом, а контроль за надлежащим исполнением ими своих обязанностей относится к сфере парламентских полномочий, то такая система в ходе «Славной революции» установлена не была. Поэтому более осторожный историографический взгляд исходит из того, что эволюция политической системы страны в XVIII в. может быть описана как постепенная трансформация институтов власти и политического участия в направлении от персональной к парламентской монархии [5, с. 118-132; 13, р. 376-384].

Главным элементом эволюции политической системы в данном направлении стал постепенный переход ряда прерогативных полномочий монархии в руки парламента, связанный с постепенным формированием принципа ответственности правительства. Кроме того, прекращение обращения короны к прерогативному праву вето и использование парламентского большинства как надежной опоры достижения необходимого результата при решении самых различных вопросов текущей политики стали важными аспектами такой эволюции. Появление в парламенте прообразов политических партий, оформленных в виде аристократических фракций, использующих влияние при дворе в качестве одного из ключевых инструментов текущей политики, дополняло картину очень сложной эволюции английской политической системы в XVIII в.

Важную роль в процессе достижения консенсуса между различными группировками политической элиты в парламенте XVIII в. начинают играть постепенно формирующиеся политические партии. Не подлежит сомнению, что уже в этот период группировки тори и вигов являлись одним из механизмов, посредством которого вырабатывалось консолидированное мнение по ключевым вопросам текущей политики в условиях, когда политическое представительство сохраняло корпоративный характер и не было связано с современными демократическими механизмами и конституционными ограничениями. Также следует учитывать, что группировки тори и вигов играли важную роль в процессе принятия политических решений тогда, когда и правительство, и оппозиция представляли интересы одной социальной группы.

Однако среди исследователей нет единства в отношении того, насколько эффективен был партийный механизм для управления электоратом и поддержания фракционной дисциплины в парламенте. Также дискуссионным является вопрос о том, что представляли из себя партии XVII в. в отношении их организационной структуры и политической идеологии.

Современная историография проблемы берет свое начало в середине прошлого века. До этого времени основное внимание исследователей было сосредоточено на парламентской и административной истории. Теперь же в центре внимания оказалась историческая эволюция британской партийно-политической системы и ее главных участников - тори и вигов - в XVIII - первой трети XIX в. Именно в это время формируется проблематика исследований, затрагивающая такие вопросы, как время становления партийно-политической системы и основные этапы ее развития, характер политических партий и особенности их организационного строения в различные исторические эпохи, а также оценка влияния партийной системы на процесс государственного управления.

Характерно, что проблема разработки и научного обоснования периодизации истории партийно-политической системы Великобритании не заняла самостоятельного места в историографии в силу узкой профессиональной специализации. И все же можно выделить несколько принципиальных этапов в развитии партийно-политической системы страны. Примерная периодизация, сложившаяся к настоящему времени, выглядит следующим образом:

- 1689-1714 гг. - зарождение партий вигов и тори;
- 1715-1760-е гг. - период возвышения вигов, поглощения ими тори, а затем кризиса и упадка самой вигской партии;
- 1770-1820-е гг. - возрождение и усиливающаяся консолидация вигов и тори, переживающих переход от фракций к партиям [4].

Серьезные разногласия характерны для современной историографии при оценке двух первых этапов складывания партийно-политической системы. Большая часть британских историков приходит к выводу, что на первом этапе, в период пребывания у власти последних Стюартов, Вильгельма Оранского и королевы Анны, тори и виги представляли реальное разделение интересов по основополагающим политическим и религиозным вопросам [8-10; 17; 19; 20; 26]. Некоторые же британские специалисты, напротив, вслед за профессором Вустерского колледжа университета Огайо Р. Уолкоттом полагают, что парламент и политическая элита в целом были разделены в XVIII в. не на партии, а на множество группировок, скрепленных родственными, профессиональными, должностными и прочими связями [30, р. 69]. Уолкотт выделял три политические группировки в парламенте: «интересы двора», «родственные связи» и «независимое сельское джен-три», в основе которых лежали личные взаимоотношения, а не общие цели в отстаивании политических принципов и проведения единого политического курса.

Пристальный историографический интерес к проблемам становления и развития партийно-политической системы Великобритании во второй половине прошлого века формировался под воздействием выработанного либеральной историографией, ведущей свое начало от трудов Т. Б. Маколея и Дж. Тревельяна, представления о британском государственном устройстве как партийном правлении [2].

В настоящее время традиционная либеральная оценка несколько модернизируется. Принципиально важна в этом отношении позиция Ф. Формана, высказавшего убеждение в том, что концепция классической либеральной историографии о центральной роли парламента в политической истории Великобритании применима только к узкому, хотя и, несомненно, важному периоду 1832-1867 гг. Во второй половине XVIII в., в период существования «парламентской» монархии существенную роль в государственном управлении играли корона и кабинет министров, а после него ведущую позицию в политической системе заняли партии [15, р. 14].

Этот своеобразный «консервативный ревизионизм» в значительной мере определил развитие британской историографии в середине 60-х - конце 80-х гг. XX в., способствуя постепенному сближению позиций представителей либерального и консервативного направлений. Показательны в этом отношении заключения известного либерального историка А. Бриггса и его коллеги, ведущего исследователя консервативной партии, Н. Гэша. Они, несмотря на значительную разницу во взглядах на методологию исследования истории политических партий и политического процесса, сходятся в том, что следует быть гораздо критичнее в отношении политической риторики британских государственных деятелей XVIII – первой трети XIX в. По их мнению, следует проявлять больший интерес к недостаткам и несовершенствам ганноверской Англии, оценивая гораздо скромнее преобразования того периода [7, р. 4-6; 28, р. 22-23].

Исходя из критического настроения современной историографии проблемы, следует признать, что роль политических партий в обеспечении политического консенсуса, управлении электоратом и поддержании фракционной дисциплины в парламенте была весьма скромной. Ни один британский монарх в XVIII в. не считался с партиями. Королева Анна не позволяла парламентскому большинству навязывать себе кандидатуры министров. В управлении страной с помощью партий королева Анна видела ущемление своей прерогативы и стремилась принимать личное участие в заседаниях кабинета министров [1, с. 48; 22, р. 23; 29, р. VII].

Положение мало изменилось и в середине XVIII в. Георг III, вступая на престол, намеревался покончить со старой конфронтацией вигов и тори как явлением, нежелательным для английской политики. Его крайне раздражала английская политическая сцена, представлявшая собой в 60-е гг. XVIII в. многочисленные фракции, изредка объединяющиеся для достижения власти и получения контроля над патронажем, раздачей должностей и пенсий. В силу молодости Георг III был далек от знания тонкостей английской политической системы, но его отношение к политическим группировкам внутри парламента не становится от этого менее показательным [1, с. 71-72]¹.

Только в 90-е гг. XVIII в. партии в парламенте конституируются на более или менее регулярной основе, однако У. Питт-младший, даже будучи премьер-министром, их не признавал и никогда не пытался объединить таким образом своих сторонников. Характерный пример: в парламентах 1781 г., 1784 г. и 1788 г. политический водораздел пролегал не между вигами и тори, а между сторонниками Питта с одной стороны и последователями Фокса и Нортона (позднее Фокса и Портленда) с другой [13, р. 381]. В любом случае представление о партии как о форме политического участия и механизме, необходимом для достижения политического консенсуса и основанном на определенном комплексе представлений по ключевым вопросам текущей политики, оставалось неизвестным британской политической практике вплоть до начала 30-х годов XIX в. [5, с. 130; 22, р. 23-26].

Единственной надежной опорой для политической власти и в XVIII в. оставалась королевская милость. Исследователи, как правило, обходят вниманием двор Ганноверской династии, полагая, что основным центром власти в изучаемый период являлся парламента. Это справедливо только отчасти: трансформация персональной монархии в парламентарную не исключала действия личных оснований королевской прерогативы. Парламент - лестница к власти в этом отношении не следует путать с парламентом - вместилищем власти. Министры, пользующиеся доверием короля, имели в своем распоряжении моральные стимулы и материальные средства для управления парламентарным большинством. Правительства XVIII в. редко проигрывали в парламентарских дебатах и практически никогда – на выборах [5, с. 131; 6, р. 217].

¹ В задачу работы не входит детальный анализ политических фракций, поэтому приводятся лишь основные исследования по указанной проблеме: виги и тори при королеве Анне [18, р. 18-29], виги Рокингема [21, р. 8-11; 23, р. 401], виги-патриоты [11, р. 82-89; 24, р. 393], Гренвилиты [25, р. 112-134], Фокситы [14, р. 122-129], тори-якобиты [27, р. 39], *high toryism* [16].

Как правило, они назначались до, а не после победы на общих выборах. Редкие неудачи монархов Ганноверской династии в утверждении угодных им министров, скорее, свидетельствовали о тактических просчетах Георга, но не о силе парламентского большинства. Так, в 1744 г. Георг II был вынужден расстаться с Дж. Картеретом (Джон Картерет, барон и граф Гренвилл (1690-1763 гг.), государственный секретарь в 1721-1724 гг. и 1742-1744 гг., соперник Уолпола и Тауншенда [12, р. 63]), поскольку никто из коллег по министерству не желал с ним работать. Тринадцать лет спустя У. Питт-старший («Великий коммонер» У. Питт-старший (1708-1778 гг.), член парламента с 1735 г., оппонент Уолпола и Картерета, премьер-министр в 1757-1761 гг. и 1766-1768 гг. [3, с. 20-21; 12, р. 282]) был назначен на свой пост, поскольку никто из членов кабинета не желал работать без него. В любом случае парламент не имел к этому никакого отношения, поскольку практика опоры правительства на парламентское большинство утвердилась далеко не сразу.

Возвышение в 20-е гг. XVIII в. поста премьер-министра не избавляло от забот по укреплению единства кабинета, в которых королевское благорасположение играло не последнюю роль. Во время акцизного кризиса 1733 г. настоящую угрозу премьерству Р. Уолпола представляла не парламентская оппозиция, а собственные недалекновидные министры - Д. Кобэм и Ф. Честерфилд. Победа в придворной интриге стала определяющей для дальнейшей карьеры Р. Уолпола. Сходным образом У. Шелберн, один из фаворитов Георга III, был смещен Ч. Дж. Фоксом, его соперником в правительстве [5, с. 124].

Власть, которой наделялись министры, фактически принадлежала короне. Министры редко пользовались своим влиянием в парламенте для того, чтобы навязать монарху политические решения, поскольку считали себя ответственными перед королем, а не перед парламентом. Решающим для политиков оставался личный выбор монарха. Характерным является то обстоятельство, что в правление королевы Анны источником власти для С. Годольфина (Сидни Годольфин (1643-1712 гг.), первый граф, клиент герцога Мальборо, главный министр королевы Анны в 1702-1707 гг., сыграл ключевую роль в принятии Акта об унии с Шотландией [12, р. 154]) и Р. Харли (Роберт Харли, первый граф Оксфорд и граф Мортимер (1661-1724 гг.), наследник Годольфина в качестве первого министра, до этого занимал посты государственного секретаря (1702-1708 гг.) и канцлера казначейства, известен также как антиквар и владелец коллекции книг, приобретенных Британским музеем и известной ныне как «коллекция Харли» [Ibidem, р. 164]) было ее личное расположение: ни один из этих министров не имел большинства в палате общин [8, р. 143; 9, р. 43-47; 17, р. 28]. Дебаты в парламенте могли иметь значение для Р. Уолпола и У. Питта-старшего, однако главные политические партии разыгрывались в кабинете монарха. Даже в 60-е гг. XVIII в. граф Бьют смог в течение двух лет занимать пост премьер-министра почти исключительно благодаря королевскому расположению и той роли, которую он сыграл в становлении юного монарха [3, с. 21-22].

Таким образом, период конца XVII – начала XIX в. стал важным моментом в эволюции политических партий Великобритании. Именно тогда произошел постепенный переход от персональной монархии к парламентской, и были заложены предпосылки трансформации политических партий в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа. Многие аспекты политической истории этого периода обретают совершенно особую эвристическую ценность, если признать, что переход от абсолютной монархии к конституционной представлял собой не одномоментный акт, но достаточно растянутый во времени процесс.

Однако роль политических партий в обеспечении политического консенсуса, управлении электоратом и поддержании фракционной дисциплины в парламенте была весьма скромной. Ни один британский монарх в XVIII в. не считался с партиями. Только в конце века партии в парламенте конституируются на более или менее регулярной основе, однако представление о партии как механизме политического участия, необходимым для достижения консенсуса и основанном на определенном комплексе идеологических представлений, оставалось неизвестным британской политической практике вплоть до первой трети XIX в.

Элементы современного конституционного механизма, постепенно кристаллизующиеся в системе парламентской монархии во второй половине XVIII в., не могли играть ключевой роли, поскольку представительство в парламенте еще не было связано с современными демократическими механизмами. Парламентский контроль над деятельностью кабинета еще не означал, что сам парламент зависит от избирателей. Политические партии Великобритании в XVIII в. больше напоминали аристократические политические клубы, нежели являлись институтами политического участия в современном смысле слова.

Список литературы

1. **Айзенштат М. П.** Британия Нового времени. Политическая история. М., 2007. 204 с.
2. **Ганюкова Е. В.** Т. Б. Маколей и идейно-политическая борьба в Великобритании в 30-40 гг. XIX в. // Очерки политической истории Великобритании / под ред. Н. А. Акимкиной. Ростов н/Д, 1992. С. 3-18.
3. **Мирошников А. В.** Великобритания от Георга I до королевы Виктории (1714-1901 гг.). Воронеж, 1998.
4. **Согрин В. В.** История партийно-политической системы в Великобритании: анализ немарксистских концепций // Новая и новейшая история. 1988. № 5.
5. **Хеншелл Н.** Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. 272 с.
6. **Beattie J.** The English Court in the Reign of George I. Cambridge, 1987.
7. **Briggs A.** The Age of Improvement, 1783-1867. L., 1995.
8. **Bulmer-Thomas I.** The Growth of the British Party System, 1640-1923. L., 1967. Vol. I.
9. **Burton J. F., Riley R. W., Rowlands E.** Political Parties in the Reigns of William III and Anne: the Evidence of the Division Lists. L., 1968.

10. Coward B. The Stuart Age: a History of England, 1603-1714. L., 1980.
11. Dickinson H. T. Walpole and the Whig Supremacy. L., 1973.
12. Dictionary of British History / ed. by J. P. Keynon. L., 1994.
13. Evans E. J. The Forging of the Modern State, 1783-1870. L., 1995.
14. Foord A. S. His Majesty's Opposition, 1714-1830. Oxford, 1964.
15. Forman F. N. Mastering British Politics. L., 1985.
16. Hilton B. A Mad, Bad, and Dangerous People? [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.com/books?id> (дата обращения: 15.05.2012).
17. Holmes G. British Politics in the Age of Anne. L., 1967.
18. Hopkinson M. R. Anne of England: the Biography of a Great Queen. New York, 1934.
19. Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III. Manchester, 1977.
20. Jones J. R. Country and Court: England 1658-1714. Cambridge, 1978.
21. Langford P. The First Rockingham Administration, 1765-1766. Oxford, 1973.
22. O'Gorman F. The Emergence of the British Two-Party System. L., 1982.
23. O'Gorman F. The Rise of Party in England. The Rockingham Whigs, 1760-1782. L., 1975.
24. Sack J. J. Review of The Grenvillites, 1801-29: Party Politics and Factionalism in the Age of Pitt and Liverpool // American Historical Review. 1980. Vol. 85. № 2.
25. Sack J. J. The Decline of the Grenvillite Faction under the First Duke of Buckingham and Chandos, 1817-1829 // The Journal of British Studies. 1975. Vol. 15.
26. Speck W. A. Tory and Whig: the Struggle in the Constituencies. L., 1970.
27. Szechi D. The Jacobites, Britain and Europe, 1688-1788. Manchester, 1994.
28. The Conservatives. A History from Their Origin to 1965 / ed. by N. Gash, D. Southgate, D. Dilkes & J. Ramsden. L., 1974.
29. The Letters of Queen Anne / ed. by B. C. Brown. L., 1968.
30. Wallcott R. English Politics in the Early Eighteenth Century. Cambridge, 1956.

PARTIES IN POLITICAL SYSTEM OF GREAT BRITAIN IN THE XVIIITH CENTURY

Viktor Viktorovich Klochkov, Ph. D. in Philosophy
Department of Law Theory
Taganrog Technological Institute of South Federal University
viktlochkov@mail.ru

The author studies parties in the context of the British political system evolution in the XVIIIth century, considers the main directions of early political parties gradual transformation into constitutional mechanisms and the structures of political participation of modern type, shows these processes in close connection with the redistribution of prerogative powers and the progressive metamorphosis of personal monarchy into parliamentary one, covers the historical specificity of the interrelations of the first British political parties with monarchs and the Cabinet of Ministers, and pays special attention to the analysis of the historiography on this problem.

Key words and phrases: parties; parliamentary monarchy; Tories; Whigs; Great Britain; British parliamentarism.

УДК 321.74

Политология

Целью статьи является анализ изменений политических режимов и их влияния на военную безопасность. Показано, что любое изменение политического режима влечет изменение системы и механизма обеспечения военной безопасности, иногда снижает способность государства к осуществлению обороноспособности. Определена зависимость способа изменения системы военной безопасности от способов перехода от одного политического режима к другому.

Ключевые слова и фразы: военная безопасность; политический режим; революция; политическая культура; демократия; политика; государство; общество; мысль.

Андрей Андреевич Ковалев

Кафедра теории и философии политики
Санкт-Петербургский государственный университет
senator23@yandex.ru

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПЕРИОД ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ[©]

Существенной характеристикой политических систем является их динамичный характер. Политические системы, которые производят впечатление устойчивости и внешней неподвижности, претерпевают изменения, не всегда сразу заметные. Глубинные корни динамизма политических систем лежат в сосуществовании множества социальных групп и слоев, классов, отношения между которыми вследствие различия, а иногда и